

Хорошо и это извинѣ, объективно, а внутри, субъективно, отъ этого тошно, больно, томительно. Въ подлинномъ религіозномъ опытѣ непротивленіе злу связано съ противленіемъ добру (первые послѣдними будутъ, и послѣдніе первыми), самоотреченіе не столько въ стремленіи къ добру, сколько въ смиреніи передъ зломъ, сначала, во всякомъ случаѣ это *послѣднее*, а *первое* потомъ, когда добудешь послѣднее. Отдаться голосу требовательной совѣсти легче, чѣмъ совѣститься самой этой совѣсти своей, царственно-непослушной, упрямой до мертвенной недвижности. Правда, частично Л. Н. переживалъ такой опытъ, напримѣръ, когда въ „Такъ что же намъ дѣлать“ изобличалъ свои переживанія около статьи „О переписи“ и вообще когда изобличалъ *свое* раннее—*своимъ* же позднимъ. Но вотъ послѣдняго-то изгиба души Толстой все-же не дозналъ до конца, слишкомъ все-же „здоровый“ былъ человѣкъ, морально-сытый своимъ добромъ и своимъ тепломъ. Добро дѣлать легче же, чѣмъ со зломъ примириться, принять и простить его. Подвигъ смиренія не въ томъ, чтобы уйти отъ зла къ добру, а отъ соблазна добраго уйти къ смиренному непротивленію злему. Вѣдь для добра отвергнуть зло легче же, чѣмъ со зломъ примириться кротко и послушно. Безбожное отношеніе ко злу—всегдашній грѣхъ раціоналистической морали, безответственнаго, религіозно-протестантскаго (въ широкомъ смыслѣ) хорошества.

Приходилось выбирать одно изъ двухъ: или принять то, что есть, что бываетъ, съ безответной послушностью, съ молитвенной покорностью, съ мудрымъ безволіемъ Божьяго раба отдаться этой самой неизбывной обыденности, обыкновенности жизни, ища мудростью, смиряющейся въ любви, прощеніи и примиреніи, живого ощущенія руки Водителя, касанія правящей десницы Господней, дающей силу, дающей правду, дающей смыслъ жизни... Или другое—добиваться того, чего не бываетъ, прать противъ рожна и даже до чуда...

И, въ концѣ-концовъ, поразительно—объективное, міровое безсиліе субъективно громаднаго подвига личной воли Толстого. И несмотря на то, что имя Льва Толстого побѣдило міръ, проповѣдь его, призывъ его, дѣло спасенія, какъ онъ дѣлалъ его,—не только не побѣдили, но и не убѣдили. Если на безрезультатность эту взглянуть прямо и безбоязненно, становится грустно до безконечности, за человѣчество грустно и страшно... Если и *такой*, какъ